

Таисия Логовская

ТРАКТИР
«ПОСЛЕДНИЙ
ФОНАРЬ»

Таисия Логовская

Трактир «Последний Фонарь»

«Автор»

2026

Логовская Т.

Трактир «Последний Фонарь» / Т. Логовская — «Автор», 2026

Я очнулась в чужом теле — и сразу получила хозяйство, от которого любой здравомыслящий человек сбежал бы. Сломанный трактир. Долг в двенадцать крон. Магическую дорогу, готовую погубить первый же караван. И девяносто дней, чтобы всё исправить. Магией я не владею. Зато умею вести учёт, кормить гостей и находить общий язык даже с самыми упрямыми людьми. Правда, королевский дорожный инспектор Рейнар оказался особенно трудным случаем. Мало того что проверяет каждый мой шаг — он ещё и дракон. А потом выясняется, что нашу дорогу уничтожают намеренно. Одних пирогов и упорства будет мало: понадобятся союзники, опасное расследование и решение, кому доверить собственную судьбу. Здесь будут уютный трактир, работа от рассвета до ночи, упрямая попаданка, суровый дракон и чувства, которым придётся пройти проверку делом.

© Логовская Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	19
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Таисия Логовская

Трактир «Последний Фонарь»

Глава 1

Первым вернулось обоняние. Горький, въедливый запах остывшей сажи, пригоревшего свиного жира и чего-то едкого, чуждого обычной стряпне — так пахнет перегретый утюг или воздух перед самой грозой, когда молния бьет в трансформаторную будку.

Я попыталась вздохнуть глубже, но закашлялась, упершись ладонью во влажный каменный пол. Холод пронзил кожу мгновенно.

Моя рука.

Я замерла, еще не открыв глаз, чувствуя, как внутри обрывается и летит в пустоту привычная опора. Мои пальцы всегда были длинными, с аккуратным офисным маникюром и сухой от кондиционеров кожей. Сейчас же на шершавых серых плитах лежала чужая кисть — крепкая, чуть широкая в ладони, с короткими ногтями и старым белесым шрамом от ожога маслом у основания большого пальца. Рука женщины, которая много лет мыла посуду ледяной водой и таскала тяжелые чугунные котлы.

Я заставила себя сесть. Голова отозвалась глухой, пульсирующей болью в левом виске, будто туда с размаху пришелся тяжелый деревянный брус.

Вокруг царил разгром.

Это была кухня — огромная, темная, сводчатая, пахнувшая сыростью старого камня и застарелым дымом. Массивный дубовый стол для разделки мяса был сдвинут с места. Глиняные горшки лежали на полу мелкими черепками, белесая полоса рассыпанной муки тянулась от опрокинутой кадки к огромному зеву очага.

Сам очаг поражал размерами: в нем легко мог бы поместиться целый бык. Но огонь в нем не горел. В глубине топки, прямо среди черных углей, в кладку был вмурован тяжелый гладкий валун с выбитыми на нем глубокими клиновидными знаками. От этого камня поднимался едва заметный белесый парок, и воздух вокруг него дрожал, мерцая слабыми искрами, словно треснувшее стекло.

Я не знала этого места. Я помнила шум вечернего проспекта, мерзлый дождь, свет фар, визг тормозов на скользком асфальте и удар — ослепительный, выбивший воздух из легких. А потом — тишина. И вот теперь — сажа на чужих пальцах, грубое серое сукно длинного подола и гудящий в висках холод.

— Где я?... — шепотом сорвалось с губ.

Голос прозвучал хрипло, ниже моего обычного, но слова выговорились легко, без запинки, на незнакомом, гортанном, тягучем наречии, которого я никогда в жизни не учила. Тело знало этот язык само, как знало, как сгруппироваться при падении или как удержать равновесие на неровных плитах. Но в голове была звенящая пустота: ни имени, ни воспоминаний о родителях, ни лиц друзей, ни единого дня прошлой жизни той женщины, в чью оболочку меня забросило. Только смутное телесное эхо и ноющая пустота там, где оборвалась чужая жизнь.

Хозяйка этого тела погибла здесь, прямо на полу. Я поняла это с холодной, кристальной ясностью. Ее сердце остановилось, или тот странный мерцающий камень ударил ее невидимой волной, когда треснули чаши. Она ушла, а освободившееся место заняла я.

Паника подступила к горлу липкой тошнотой. Захотелось вскочить, распахнуть тяжелую дубовую дверь в конце коридора и бежать без оглядки, куда глаза глядят, лишь бы подальше от этого мертвого очага и чужих рук.

«Так. Стоп. Дыши», — приказала я себе, прижимая ладонь к бешено колотящемуся сердцу.

Куда бежать? В одном фартуке? На незнакомую улицу, в неизвестный мир, где у меня нет ни документов, ни копейки денег, ни понимания местных порядков? Замерзнуть под ближайшей сосной или нарваться на тех, кто быстро объяснит бродяжке без памяти ее истинную цену?

Нет уж. Слезами крышу не перекроешь. Если судьба выдернула меня из-под колес машины и швырнула сюда, значит, сначала нужно осмотреться и посчитать гвозди.

Я с трудом поднялась на ноги, опираясь о край стола. Колени дрожали, но спина держалась прямо — тело было привычно к тяжелой работе. За узким стрельчатым окном серело хмурое, неприветливое утро. Сквозь мутные пузырчатые стекла виднелся широкий двор, обнесенный высоким частоколом, пустая коновязь и полотно широкой дороги, вымощенной странными светлыми плитами. Дорога уходила в туман между мрачными хвойными зарослями и казалась абсолютно вымершей.

В коридоре послышались торопливые, шаркающие шаги. Кто-то замер у входа в кухню, тихо всхлипнул и прижал ладонь ко рту.

— Пресветлые заступники... — раздался тонкий, испуганный женский голос. — Хозяйка?.. Анна! Вы... вы живые?!

В дверном проеме стояла женщина лет сорока пяти в ситцевом чепце, из-под которого выбивались мышиного цвета пряди, и в застиранном холщовом переднике. Ее круглое, простоватое лицо было бледным от неподдельного ужаса, а красные, натруженные руки мелко тряслись.

Значит, Анна. Прежнюю хозяйку звали так же, как и меня. Хотя в чем-то судьба проявила милосердие — мне не придется вздрагивать от чужого имени.

— Живая, — отозвалась я, стараясь, чтобы голос звучал твердо и ровно, хотя в горле саднило. — Помоги мне присесть.

Женщина бросилась вперед, подхватила меня под локоть — хватка у нее оказалась неожиданно цепкой и крепкой — и помогла опуститься на уцелевшую дубовую табуретку у стены. От нее пахло кислым тестом, лавандовым мылом и чистым человеческим страхом.

— Мы с Томом думали — всё, конец, — затараторила она, торопливо отирая фартуком наввернувшиеся слезы. — Как грохнуло в очаге, как полыхнуло синим, а вы наземь... Том побежал за травником в деревню, да разве добежишь быстро, когда тракт замкнуло? Я войти боялась, думала, камень и меня пришибет... Голова-то цела, Анна? Не кружит?

— Гудит, — честно призналась я, ощупывая ссадину на виске. — И мысли путаются. Словно половину памяти начисто отшибло от удара.

Женщина жалостливо покачала головой: — Еще бы не путались, такой-то удар... Камень дорожный совсем взбесился, искры во все стороны мечет. А ведь я говорила покойному мастеру, неладно руны кладут, ох неладно...

Я уцепилась за ее слова, как за спасательный круг. Главное сейчас — не выдать себя, но вытянуть максимум сведений.

— Напомни мне, — медленно произнесла я, глядя ей прямо в глаза. — Только спокойно и по порядку. Что именно стряслось и с чем мы сейчас остались?

Женщина моргнула, сглотнула и нервно теребила край фартука.

— Так ведь беда одна не ходит, Анна. Вы и сами знаете... Сначала тракт начал сбывать, обозы мимо пошли, в порталы подались. Потом очаг стал искрить, а денег на городского мастера с лицензией у нас отродясь не водилось. А вчера... вчера же бумага пришла с конным гонцом из Дорожного ведомства. Вы ее на стойке оставили, перед тем как в кухню спуститься.

— Принеси, — коротко велела я. — И кассу захвати. Жестяную коробку.

Она кивнула и торопливо выбежала в зал. Я перевела дух, осторожно пошевелила пальцами ног в жестких кожаных башмаках. В теле чувствовалась ломота, но кости были целы. Уже плюс. Теперь нужно понять глубину финансовой ямы, на краю которой я очутилась.

Через минуту служанка вернулась. Она бережно положила на стол плотный лист желтоватого пергамента с тяжелой свинцовой plombой на шнурке и водрузила рядом темную жестяную шкатулку с потертыми углами.

— Вот, всё тут. Больше-то и нет ничего...

Я придвинула пергамент к себе. Знаки напоминали строгую латиницу с резкими углами, и мой взгляд без труда расшифровал четкие казенные строки.

Это было официальное уведомление Службы королевских трактов. Сухой, беспощадный чиновничий язык бил наотмашь. Станция «Последний Фонарь», расположенная на двадцать седьмой миле Северного рукава, признавалась аварийной ввиду критической нестабильности распределительного рунного узла. Лицензия на прием проезжающих и обслуживание магического транзита приостанавливалась.

Но самым страшным был не запрет. Самым страшным был приговор, начертанный внизу листа:

За трактиром числилась непогашенная задолженность по казенным ссудам на аварийную стабилизацию магистрального контура в размере двенадцати золотых крон.

Двенадцать крон. Срок на полное устранение технической неисправности, прохождение повторной инспекции и закрытие долга составлял ровно девяносто дней с момента вручения предписания. В противном случае станция подлежала окончательному закрытию, дорожный узел — принудительной изоляции и консервации, а все имущество и земля — отчуждению в пользу короны для покрытия недоимок.

Девяносто дней. И двенадцать золотых.

Я медленно открыла жестяную шкатулку. Крышка противно скрипнула.

На дне сиротливо блестели монеты. Я высыпала их на дубовую столешницу и хладнокровно, подавляя поднимающуюся изнутри дрожь, пересчитала.

Две крупные, увесистые золотые монеты с чеканным профилем какого-то бородастого монарха. И четырнадцать тонких, потертых серебряных кругляшей меньшего размера.

Две кроны и четырнадцать серебряных.

Весь мой стартовый капитал. Все ресурсы, с которыми мне предстояло выжить, накормить людей, починить разрушенную магическую систему, вернуть долг государству и не вылететь на мороз нищей бродяжкой через три месяца.

— Напомни, как тебя зовут? — спросила я, сославшись на ушибленную голову.

— Мара, хозяйка, — удивленно ответила она.

— Мара, — тихо позвала я, не поднимая глаз от жалких монет.

— Да, хозяйка? — женщина затаила дыхание.

— Сколько у нас муки?

— Мешка три осталось, ржаной. Пшеничной — полмешка на донышке, да и та слежалась. Крупы ячменной мешок, солонины бочонок небольшой, капусты квашеной два ушата в погребе. Дров на неделю хватит, если только кухню топить, а гостиные покои не прогревать.

— А постояльцы?

— Так откуда им взяться-то? — всплеснула руками Мара. — Дорога мертвая стоит уже третий день! Те, у кого кошелек полон, через столичные порталы грузы шлют, хоть там и дерут втридорога. А мелкие торговцы кругом едут, по старой лесной колее, лишь бы к нашему узлу не приближаться — боятся, что повозки перевернет, если камень вразнос пойдет. Ни одной живой души со вторника не заезжало.

Картина складывалась исчерпывающая. Полный паралич сообщения, висящий на шее долг, нулевой приток клиентов и две кроны в кармане. Если прежняя Анна взяла в долг такие

деньги, надеясь починить трактир, а потом увидела, как узел окончательно разнесло в щепки, неудивительно, что ее сердце не выдержало.

Но я умирать во второй раз за сутки не собиралась.

Я снова посмотрела на свои новые руки. На короткие ногти, на шрам от ожога. Эта женщина боролась за свой трактир до последней секунды. Она тянула эту лямку, не бросая кухню, пока не упала замертво у холодного очага.

Бросить всё сейчас? Сбежать? Сдать ключи деревенскому старосте и пойти побираться по тракту? Нет. У меня за плечами было десять лет работы в логистической компании, где кризисы случались трижды в неделю, а поставщики срывали сроки с регулярностью восхода солнца. Я умела считать расходы, выстраивать цепочки поставок и находить выход, когда рушились графики. Законы экономики везде одинаковы: дебет должен сойтись с кредитом, иначе тебя раздавит.

Магия здесь правила бал или пар с электричеством — не имело значения. Значение имело только то, что у меня есть крыша над головой, четыре крепкие стены, остаток крупы и девяносто дней форы.

Я сгребла монеты обратно в шкатулку и захлопнула жестяную крышку. Звук получился сухим и звонким, как щелчок затвора.

— Значит так, Мара, — сказала я, поднимаясь на ноги. Головокружение отступило, уступив место привычной рабочей злости. — Первое: хватит причитать. Слезами казенную недоимку не выплатишь. Второе: берем тряпки, ведра и золу. Нужно вымести эту сажу, собрать битую глину и отмыть пол дочиста. Очаг пока не трогаем, но обычную дровяную печь растопим. Нам нужен кипяток.

Мара опешила, вытаращив на меня круглые глаза: — Так ведь... тракт закрыт, хозяйка! Зачем мыть-то? Для кого?

— Для себя, — отрезала я. — Если сидеть в грязи и ждать конца света, он обязательно наступит. Живо за водой. И позови Тома, как только он вернется. У него будет много работы во дворе.

В глазах служанки мелькнуло удивление, смешанное с привычным повиновением. Видимо, прежняя Анна редко командовала с такой холодной жесткостью, но спорить Мара не посмела. Она торопливо поклонилась и попятилась к дверям: — Слушаю, Анна. Сию минуту принесу воды.

Она исчезла, а я подошла к массивному столу и расправила пергамент с королевской печатью.

«Принять чужое имя и ответственность без гарантий». Именно это я только что сделала. Я подписала негласный договор с этим домом. Теперь я — Анна, хозяйка «Последнего Фонаря». И я либо вытащу этот чертов трактир из долговой петли, либо пойду ко дну вместе с ним.

Следующие два часа прошли в непрерывном, отупляющем труде. Я смывала серую липкую копоть со столешниц, выгребала совком осколки горшков и заставляла себя не думать о том, что происходит за стенами. Мышцы непривычно ныли, чужое тело отзывалось тупой болью в плечах, но работа возвращала контроль над реальностью. Когда пол был выскоблен до светлого дерева, а в чугунном котле на малой плите закипела вода, пахнувшая мятой, кухня перестала казаться склепом. Она снова стала рабочей комнатой.

Том вернулся ближе к полудню — вихрастый, плечистый парень лет двадцати с испуганными серыми глазами. Травника он не нашел: деревенский лекарь наотрез отказался ехать к проклятому трактиру, пока над трактом не рассеется серый морок. Увидев меня живой и на ногах, Том едва не выронил топор, но я не дала ему времени на охи и ахи.

— Бери лопату, расчисти подход к конюшне и проверь задвижки на воротах, — велела я ему. — Двор должен быть в идеальном порядке.

— Так ведь... не едет никто, хозяйка, — растерянно пробормотал парень, сжимая в руках топорщице.

— Будут ехать, — бросила я, вытирая руки чистым холщовым полотенцем. — Наша задача — быть готовыми.

Я вернулась в зал. Просторное помещение с низкими дубовыми балками на потолке тонуло в полумраке. Тяжелые столы из темного дерева были чисто выскоблены, но стулья сиротливо стояли на них ножками вверх. В воздухе висела гнетущая тишина заброшенного дома, где давно не звенели кружки и не смеялись люди.

Я подошла к входной двери, отодвинула тяжелый железный засов и толкнула дубовую створку.

Холодный, резкий порыв ветра ударил в лицо, пахнув хвоей, мокрым гравием и сырой землей. Я вышла на крыльцо.

Прямо перед трактиром пролежала широкая полоса магической дороги. Она действительно выглядела пугающе. Светлые каменные плиты, которые, судя по всему, должны были мерцать мягким путеводным светом, казались тусклыми, серыми и безжизненными. Лишь кое-где между стыками проскакивали мелкие фиолетовые искры, тут же гаснувшие с сухим электрическим треском. Тракт спал. Или умирал.

И именно в этот момент тишину разорвал звук.

Это не был скрип крестьянской телеги или цокот усталой крестьянской кобылы. По мощеному полотну, отбивая четкий, гулкий военный ритм, приближались тяжелые подкованные копыта.

Я прищурилась, вглядываясь в серую пелену тумана над дорогой.

Из белесой дымки вынырнул всадник на огромном вороном жеребце в тяжелой чепрачной сбруе. Всадник сидел в седле прямо, не шелохнувшись, словно вылитый из чугуна. На нем был темный форменный дорожный плащ с серебряной окантовкой по вороту, скрепленный у горла массивной фибулой в виде хищного крылатого ящера.

Но поразило меня не это.

Воздух вокруг коня ощутимо густел и потрескивал. Давление упало так резко, что заложило уши, а в нос ударил густой, удушливый запах озона и надвигающейся бури. Плиты под копытами коня на мгновение вспыхивали глубоким багровым светом и тут же смиренно гасли, подчиняясь невидимой тяжелой воле всадника.

Конь остановился у коновязи с глухим фырканием, вздымая клубы белого пара.

Мужчина легко соскочил на землю. Он был высок, широк в плечах, и каждое его движение выдавало хищную, пугающую собранность профессионального военного. Из-под надвинутого капюшона блеснули жесткие, невероятно внимательные глаза с неестественно узким, вертикальным зрачком, отливающим расплавленным янтарем.

На широком кожаном поясе тускло поблескивала служебная бляха королевского ревизора, а под мышкой он держал жесткую кожаную папку с гербовыми печатями Дорожного ведомства.

Мое сердце пропустило удар, а затем заколотилось с новой силой.

Королевская инспекция прибыла.

Девяносто дней, которые мне отмерила казенная бумага, еще даже не успели начаться — а система уже стояла на пороге моего дома, чтобы стереть этот трактир с лица земли.

Глава 2

Ветер с тракта пах остывшим камнем, сосновой смолой и надвигающимся снегом. Но стоило всаднику спешиться, как морозный воздух вокруг него изменился. Он сделался плотным, сухим и горячим, словно рядом распахнули чугунную заслонку плавильной печи.

Я не сдвинулась с места. Стояла на верхней ступени крыльца, вытирая озябшие пальцы о край застиранного фартука, и смотрела, как незнакомец привязывает поводья к коновязи.

Движения его были экономными, лишенными суеты. Высокий, поджарый, в тяжелом форменном колете из черной дубленой кожи, подбитом серым волчьим мехом. Ни пылинки на высоких дорожных сапогах, начищенных до матового блеска, ни лишней пряжки. Только серебряная цепь королевского ревизора на груди и тяжелый эфес служебного палаша у левого бедра. Из-под надвинутого капюшона на меня смотрело лицо, словно высеченное из гранита: резкие скулы, темная жесткая щетина вдоль челюсти и глаза. Нечеловеческие. Янтарные, с узкой вертикальной щелью зрачка, в которой лениво пульсировало багровое пламя.

Дракон. В моем прошлом мире о них читали только в сказках. В этом мире дракон носил гербовую бляху Дорожного ведомства и приехал закрывать мой дом.

Он поднял голову. Взгляд его скользнул по вывеске — скрипучему деревянному кругу с полинявшим изображением фонаря, — затем по чисто выметенным ступеням и, наконец, остановился на мне. Пауза длилась всего несколько ударов сердца, но за это мгновение он успел оценить всё: мои испачканные сажей рукава, влажные после мытья полов ладони, бледность лица и разбитый висок.

Никакого сочувствия в его глазах не было. Только профессиональный расчет человека, привыкшего иметь дело с катастрофами и их последствиями.

— Анна Торн? — голос прозвучал низко, с едва заметной вибрирующей хрипотой, от которой у меня внутри невольно натянулась струна.

— Да, — ответила я, заставляя себя не отводить взгляда. Мое новое тело знало это имя, и я приняла его без колебаний. — Хозяйка «Последнего Фонаря».

Мужчина поднялся по ступеням. Каждая его поступь отзывалась глухим стуком подкованных каблуков по доскам. Он остановился в двух шагах от меня, и от него пахло горьким озоном, трубочным табаком и грозой. Воздух между нами задрожал от магического жара.

— Старший дорожный инспектор Рейнар, — представился он сухо, коснувшись пальцами нагрудной серебряной цепи. — Имперская служба трактов и переходов. Вчера в шестом секторе Северного рукава зафиксирован аварийный сброс мощности. Ваш распределительный узел ослеп.

— Я знаю, — ровно сказала я. — Вчера прибыло уведомление.

Он слегка приподнял бровь. Видимо, ожидал слез, истерики или жалоб на тяжелую долю, с которыми его обычно встречали разорившиеся трактирщики.

— В таком случае вы должны понимать цель моего визита, госпожа Торн. Неисправный узел представляет прямую угрозу безопасности транзита. Магическая волна нестабильна, полотно дает провалы инерции. Повозки рискуют перевернуться на полном ходу, если контур выйдет из строя окончательно. Согласно регламенту, станция подлежит немедленной консервации. Я прибыл опечатать двери, заблокировать очаг и аннулировать право на ведение дел.

Слова падали тяжело, как приговоры трибунала. Он достал из-под плаща жесткую кожаную папку, вынул узкую бронзовую пластину с выбитыми на ней гербами и восковую печать на шелковом шнуре.

«Опечатать двери».

Если он повесит эту печать сейчас, всё закончится. Нас с Марой и Томом просто выставят за порог на пустую дорогу. Без крова, без запасов, с долгом в двенадцать крон, который превратит меня в каторжанку при первой же проверке в ближайшем городке.

В висках застучала кровь, но страх мгновенно переплавился в упрямую, холодную злость. Паниковать некогда. Если инспектор оперирует регламентами, значит, бить его нужно его же оружием.

— Пройдемте в дом, господин инспектор, — сказала я, отступая на шаг и придерживая тяжелую дверь. — На ветру бумаги не подписывают.

Рейнар бросил быстрый взгляд на дорогу за своей спиной, словно взвешивая, стоит ли тратить время, но все же переступил порог.

В общем зале было сумрачно и прохладно, но чисто. Запах вчерашней гари почти выветрился, уступив место свежему духу мокрого дерева и высушенных трав, пучки которых Мара предусмотрительно развесила под балками. Из кухни тянуло легким парком от закипающего на малой плите мятного взвара.

Инспектор оглядел пустые столы, поднятые стулья и остановился у стойки. Папку он положил перед собой, но открывать не спешил.

— Чистота делает вам честь, госпожа Торн, — произнес он, и в его янтарных глазах мелькнуло сухое любопытство. — Большинство на вашем месте уже паковали бы узлы или заливали горе дешевым элем. Но порядок в зале не меняет физики процесса. Ваш узел разбит. Вы не можете обеспечить постояльцам ни защиту, ни ускорение для грузов.

— Я умею читать казенные бумаги, господин Рейнар, — спокойно ответила я, обойдя стойку и достав из ящика пергамент с королевской печатью, который оставила Мара. — Здесь черным по белому написано: девяносто дней. Станции предоставлено право на окно реабилитации для устранения технических неисправностей и погашения недоимки. Срок пошел со вчерашнего полудня.

Рейнар коротко усмехнулся. Уголок его губ дрогнул, выдавая снисходительное превосходство чиновника, знающего изнанку каждого параграфа:

— Девяносто дней — это стандартная формулярная отсрочка для станций, способных нанять мастера в течение сорока восьми часов. За вами числится двенадцать золотых крон задолженности по казённой кредитной линии на восстановление магистрали. Лицензированный рунный техник за одну только первичную диагностику возьмет половину кроны серебром, а ремонт обойдется втрое дороже. У вас есть эти деньги?

Он смотрел прямо на меня, не мигая. Его вертикальные зрачки сузились до тончайших черных игл. Ответ, наверное, читался и без слов: старый шерстяной передник, трещины на балках и пустой зал.

Я вспомнила жестяную коробку под стойкой. Две кроны и четырнадцать серебряных монет. Все мои сбережения до последней медной крошки.

— Финансовое состояние трактира — это моя забота, пока не истек установленный законом срок, — твердо произнесла я. — А вот безопасность дороги — ваша. И вы прекрасно знаете регламент лучше меня.

Рейнар медленно наклонил голову: — Слушаю вас.

— Физическое полотно дороги и магический распределительный контур — это две разные системы, — сказала я, опираясь ладонями на шершавую столешницу. В голове бешено складывались кусочки мозаики из прочитанного предписания и обрывков слов Мары. — Каменная кладка тракта цела. По ней могут идти пешие путники, почтовые верховые и обычные телеги на конной тяге. Опасен только магический узел, который дает сбой и швыряет искры. Изолируйте его.

Инспектор прищурился. Воздух вокруг него заметно остыл, багровые искры в глубине зрачков притухли. Он явно не ожидал такого поворота от женщины, которую считал полуграмотной трактирщицей.

— Изолировать магистральный узел станции? — переспросил он. — Вы понимаете, что это значит?

— Понимаю. Вы наложите консервационную печать на распределительный камень. Магический отрезок перед трактиром будет отключен от общей сети. Караваны не смогут разгоняться здесь на артефактной тяге, грузы не получают защиты от перегрузок. Но сама дорога останется открытой для обычного проезда. А станция сохранит право принимать гостей как обычный, не магический постоялый двор.

— Без магического потока сюда не свернет ни один крупный купец, — жестко парировал Рейнар. — Они уйдут на южную ветку или заплатят втридорога за порталы. Вы не соберете двенадцать крон на похлебке для местных дровосеков.

— Это мой риск. И моя ответственность, — отрезала я. — Я требую предоставить мне законное окно реабилитации. На девяносто дней. Без права на поблажки и продление.

Тишина в зале стала плотной, осязаемой. Было слышно, как на кухне мерно капает вода в ведро и потрескивают сухие сосновые лучины в малой плите. Рейнар изучал меня так долго и пристально, что кожа на щеках начала гореть, словно под прямыми лучами полуденного солнца.

Он не был тираном, желающим растоптать слабого. Я видела это по его тяжелому, уставшему лицу, по глубоким складкам у рта. Он был слугой закона — жесткого, равнодушного к человеческим судьбам, но справедливого. И сейчас я загнала его в рамки этого самого закона.

— Хорошо, — наконец произнес дракон, и в его голосе прозвучала нота невольного, скупого уважения. — Вы получите свое окно реабилитации, госпожа Торн. Но на моих условиях.

Он резко распахнул свою кожаную папку, вытащил плотный лист гербовой бумаги и обмакнул перо в чернильницу-непроливайку, пристегнутую к поясу:

— Условие первое: магический контур блокируется полностью. Вы не имеете права прикасаться к распределительному камню, сбивать пломбы или пытаться подключить к нему бытовые приборы. Условие второе: бытовой очаг в кухне будет переведен на автономный дровяной режим под вашу личную ответственность. Если от него пойдет хоть малейший фон в сторону тракта — станция закрывается в течение часа. И третье: любое нарушение безопасности, любая авария на вашем участке физической дороги, и окно реабилитации аннулируется немедленно. Земля и имущество отойдут короне без суда.

— Я согласна, — не колеблясь ни секунды, ответила я.

— Не спешите. — Рейнар поднял на меня тяжелый взгляд. — Подумайте еще раз. Если вы сдадите ключи сейчас, вы уйдете свободной женщиной, пусть и без гроша. Если вы подпишете протокол реабилитации и провалите его через девяносто дней, вы останетесь государственной должницей. Закон о недоимках суров: вас отправят на казенные рудники отрабатывать долг.

Холодок пробежал по спине. Рудники. Перспектива не из радужных. Но сдаться без боя, отдать трактир, который только что стал моим единственным якорем в этой реальности? Пойти по миру нищенкой? Нет. Ни за что.

— Давайте перо, господин инспектор.

Рейнар молча протянул мне костяную ручку. Я взяла ее — пальцы были холодными, но твердыми — и поставила внизу листа четкую, размашистую подпись: «Анна Торн». Буквы легли ровно, без единого росчерка сомнения.

— Протокол вступил в силу, — инспектор забрал лист, посыпал его кварцевым песком и убрал в папку. — Теперь покажите мне камень. Нужно поставить пломбу.

Я молча развернулась и повела его в святилище трактира — на кухню.

Мара при виде рослого мужчины в черной инспекторской форме сжалась в комок у разделочного стола, испуганно прижимая к груди мокрое полотенце. Том, стоявший у дверей с топором в руке, опустил глаза в пол и затаил дыхание.

— Мара, Том, всё в порядке, — негромко сказала я, давая им понять, что паники не будет. — Инспектор проводит процедуру изоляции узла.

Рейнар даже не взглянул на слуг. Его внимание было полностью приковано к исполнскому зеву мертвого очага.

Он подошел ближе, опустился на одно колено прямо на влажные каменные плиты, не заботясь о чистоте своего дорогого кожаного колета, и вгляделся в массивный серый валун, вмурованный в основание кладки.

Камень вел себя беспокойно. Высеченные на его гранях клиновидные руны тускло мерцали грязным серо-фиолетовым светом. Воздух над ним дрожал, и тонкий писк, похожий на звон натянутой струны, сверлил барабанные перепонки.

Рейнар снял перчатку. Его ладонь оказалась широкой, с темными жесткими ногтями, отдаленно напоминающими когти, и замысловатым узором чешуйчатых линий на тыльной стороне кисти. Он медленно протянул руку к камню, не касаясь его поверхности примерно на ширину ладони.

Воздух в кухне мгновенно раскалился.

Из пальцев инспектора ударили тонкие, золотисто-багровые нити чистой, концентрированной силы. Драконья магия не была мягкой — она давила всей мощью первобытного пламени. Руны на камне взвыли, попытались вспыхнуть ярче, но яростная золотая сеть Рейнара буквально вдавила их обратно в породу, сминая и гася чужое сопротивление.

Я видела, чего это ему стоило. На висках дракона вздулись толстые вены, челюсти сжались так, что заходили желваки, а по шее скользнула капля пота. Это не было легким взмахом волшебной палочки из детских сказок. Это была тяжелая, изнурительная борьба с взбесившейся энергией. Его сила могла лишь временно сковать и прижать нестабильный поток, но не починить сломанный механизм.

С глухим металлическим щелчком фиолетовое свечение в камне погасло окончательно. Валун стал просто мертвым серым куском гранита.

Рейнар выдохнул — тяжело, с хрипом, словно поднял на плечи мельничный жернов. Не теряя времени, он достал из поясной сумки тяжелую свинцовую плашку, приложил ее к центральной руне камня и сжал в кулаке. Металл потек под его пальцами, как теплый воск, запечатывая узел и принимая оттиск королевского герба с короной и скрещенными мечами.

— Магистральный контур изолирован, — глухо произнес он, поднимаясь на ноги и надевая перчатку обратно. Голос его звучал глуше прежнего, в движениях появилась усталость, которую он тщательно пытался скрыть. — Энергия больше не поступает на станцию. Физическая дорога открыта для гужевого и пешего транспорта.

— Спасибо, господин инспектор, — сказала я.

Он повернулся ко мне, собираясь что-то ответить — вероятно, очередное формальное напоминание о сроках, — но внезапно замер.

Его взгляд снова упал на запечатанный валун. Точнее, на тонкую трещину, бежавшую от основания камня наискось, рассекая две нижние рунические дорожки.

Рейнар нахмурился. Он снова наклонился, коснулся кончиками пальцев в перчатке скола и провел по нему, счищая серый налет.

— Что-то не так? — насторожилась я, подходя ближе.

Инспектор не ответил сразу. Он разглядывал край разлома с пугающей сосредоточенностью.

— Этот камень распределял поток почти сорок лет, — медленно, словно рассуждая вслух, произнес он. — Когда рунная порода разрушается от старости или перегрузки, она трескается радиально, от центра к краям. Как пересохшая глина.

Он поднял палец, испачканный в странном белесом порошке, растер его между подушечками и поднес к лицу, втягивая воздух ноздрями:

— Здесь разлом ровный. Срез идет под углом в тридцать градусов, строго поперек несущего силового канала. Поток не просто захлебнулся от усталости узла. Его словно... вывернуло наружу из-за внутреннего сопротивления.

Я затаила дыхание: — Хотите сказать, его повредили специально?

Рейнар резко поднял голову. Янтарные глаза полоснули по мне холодным предупреждающим светом, и вся его недавняя минутная слабость исчезла без следа. Профессиональная броня захлопнулась наглухо.

— Я говорю лишь то, что вижу, госпожа Торн: повреждение не похоже на обычный износ. Все остальное — домыслы, не входящие в протокол закрытия. Причины неисправности установит официальная комиссия, если станция доживет до повторной проверки.

Он резко выпрямился, оправил колет и зашагал к выходу из кухни, бросив через плечо: — У вас есть девяносто дней. Ни часом больше. Используйте их с умом, хозяйка. В следующий раз я приеду сюда не с протоколом реабилитации, а с конвоем для должников.

Через минуту тяжелая входная дверь захлопнулась, за окном простучали копыта вороного жеребца, и стук их быстро растаял в тумане.

На кухне воцарилась тишина.

Мара шумно перевела дух и опустилась на скамью, прижимая ладони к пылающим щекам: — Пресвятые заступники... Уехал. Не запечатал дом... Анна, милая, как же вы с ним так говорили? Ведь дракон же, чиновник королевский! У меня аж поджилками затрясло...

Том молча поставил топор в угол и посмотрел на меня.

Я подошла к очагу и посмотрела на серый валун со свинцовой блombой.

Официальный шанс был получен. Мы не были закрыты, нас не вышвырнули на улицу, а дорога за окном, пусть и лишенная магии, оставалась дорогой.

Но слова Рейнара звенели в ушах тревожным набатом. «Повреждение не похоже на обычный износ». Прежняя хозяйка погибла не от несчастного случая. Что-то или кто-то сломал этот камень намеренно.

Глава 3

Утро встретило меня мелкой водяной пылью, бившей в узкие стрельчатые окна, и гулким, размеренным стуком капель на втором этаже.

Кап. Пауза. Кап.

Звук доносился откуда-то из глубины коридора, отдаваясь в висках тупым эхом вчерашней головной боли. Я лежала на узком топчане в каморке за конторкой, укрытая тяжелым, колючим шерстяным одеялом, и смотрела в бревенчатый потолок. Мышцы гудели после вчерашней уборки кухни, пальцы саднили, а ладони казались сухими и чужими.

Но времени жалеть себя не было. Вчера старший инспектор Рейнар запечатал магический узел, превратив «Последний Фонарь» из узловой имперской станции в глухой придорожный сарай. У меня оставалось восемьдесят девять дней, непогашенный долг в двенадцать золотых крон и жестяная шкатулка, в которой лежало все мое состояние.

Я села, спустив босые ноги на ледяные доски пола, и поежилась. Нужно было вставать и смотреть правде в лицо.

На втором этаже действительно текла крыша. В длинном темном коридоре, пропахшем сыростью и старой пылью, стояло медное ведро, до половины наполненное мутной дождевой водой. Вода сочилась с потолочной балки, где дранка прогнила до черноты.

Я прошла вдоль ряда дверей. Всего наверху было восемь комнат для постояльцев. Я открывала их одну за другой, и с каждым поворотом тяжелого бронзового ключа надежда на легкий старт таяла, как весенний наст.

В первой комнате перекосило оконную раму — сквозь щель в палец толщиной надуло бурый сухой лист и мокрый сор. В третьей треснул глиняный дымоход малой печурки, и комната закоптилась так, что стены казались покрытыми бархатной сажой. В пятой и шестой стояли голые остоны кроватей без тюфяков, а воздух был таким затхлым, словно туда не заходили года три.

Только две комнаты — четвертая и седьмая, выходившие окнами на южную сторону, в сторону двора, — выглядели пригодно для жилья. Там были целы стекла, добротные дубовые кровати пахли сухим деревом, а печные заслонки закрывались плотно, без металлического скрежета.

— Хозяйка? — снизу послышался робкий голос Мары. — Вы встали уже?

Я спустилась в общий зал. На кухне уже приятно потрескивали сухие сосновые поленья в малой плите, а в воздухе витал слабый, но такой родной запах подсушенных ржаных корок. Мара стояла у разделочного стола с кувшином молока, а Том сидел на низкой скамье у порога, чиня кожаный ремень от упряжи.

Оба замерли, глядя на меня со смесью тревоги и глухого ожидания. Они ждали приговора. Любой нормальный хозяин на моем месте, оставшись без дохода и магического тракта, первым делом выставил бы лишние рты за ворота.

Я молча подошла к стойке, достала из нижнего ящика жестяную шкатулку, открыла крышку и высыпала ее содержимое прямо на чисто выскобленную столешницу.

Монеты глухо звякнули. Две тяжелые золотые кроны и четырнадцать серебряных монет.

Мара сглотнула и нервно прижала руки к переднику. Том застыл с шилом в руке, не поднимая глаз от своего сапога.

— Вот все, что у нас есть, — спокойно сказала я, глядя на них обоих. — До вчерашнего дня трактир кормил дорожный сбор и проезжие обозы, шедшие на рунной тяге. Магии больше нет. Рейнар наложил пломбу. Дорога открыта только для тех, кто едет на собственных конях или идет пешком. А через три месяца приедет коронный пристав и либо заберет двенадцать золотых, либо арестует трактир.

— Анна... — тихо, с надрывом выдохнула Мара. — Да разве ж на одних пеших соберешь столько? Это ж... это конец. Надо вещи связывать, пока холода не ударили. У меня в нижнем посаде сестра двоюродная живет, может, пустит к себе в пристройку... А Тома куда? Парню и податься некуда, сирота ведь.

Том только крепче сжал кулаки, побелев костяшками пальцев, но промолчал.

— Никто никуда не пойдет, если сам того не захочет, — отрезала я, понизив голос, но вложив в каждое слово максимум уверенности. — Но я не стану врать вам и обещать золотые горы. Бесплатной работы я от вас тоже не требую. Поэтому слушайте мои условия.

Мара подняла на меня заплаканные глаза. Том насторожился.

— Мы остаемся командой. До тех пор, пока в доме есть мука и дрова, стол для вас общий, кров — бесплатный. Каждую субботу Том получает по три серебряных за тяжелую работу во дворе и починку. Мара — по четыре серебряных за кухню и стирку. Если пойдет первая выручка от постояльцев, к этим деньгам я добавлю долю с каждого занятого номера. Но если мы сдадимся прямо сейчас, через неделю эти две кроны кончатся, и мы все трое пойдем по миру с пустыми руками. Решайте. Если кто-то хочет уйти — я отдам расчет за прошлую неделю прямо сейчас, серебром.

Я пододвинула три серебряные монеты на край стола.

За окном шелестел промозглый осенний дождь, а в кухонной топке гудел огонь.

Том медленно поднялся со скамьи. Он был нескладным, широким в кости юношей с простым, обветренным лицом и цепким крестьянским взглядом. Он подошел к стойке, посмотрел на серебро, потом перевел взгляд на меня: — Крышу в северном крыле латать надо. Если дранку не заменить до заморозков, балка рухнет. Я вчера в сарае старый смоленый холст нашел и полдюжины сухих дубовых досок. За день управлюсь, если подсобит кто поддержать.

Он не взял монеты. Он просто отодвинул их обратно к кучке золота.

Мара всхлипнула, на этот раз с облегчением, и торопливо вытерла глаза углом чепца: — Куда ж я от тебя уйду, девка... Ты ж после удара едва на ногах стоишь, а командуешь, как сотник на параде. Печь на кухне тянет хорошо, если только сырую осину не совать. Закваску я обновила. К вечеру свежий хлеб поспеет.

Внутри у меня отпустило тугую, звенящую струну страха. Первый барьер был взят. Люди остались со мной не из жалости или рабской покорности, а потому что увидели внятный, честный расчет.

— Спасибо, — искренне сказала я, сгребая монеты обратно в шкатулку и оставляя на ладони три серебряных на текущие нужды. — А теперь за работу. Никаких пустых иллюзий. Мы не станем открывать весь трактир. Мы сожжем его до размеров кулака, чтобы не тратить силы впустую.

Я достала кусок грифеля и чистый обрезок серой упаковочной бумаги, разгладив его на столе. Мой прошлый опыт логиста и кризисного менеджера брал верх над растерянностью попаданки.

— Наш план на ближайшие три дня: Первое: восстанавливаем только две комнаты на втором этаже — четвертую и седьмую. Остальные закрываем на засов и не топим. Незачем греть пустоту. Мара, все чистое белье из сундуков — в эти две комнаты. Выстирать с золой, выгладить горячим утюгом, переложить лавандой. Матрасы взбить, окна вымыть уксусом, чтобы скрипели. Второе: вода. Том, проверь ворота на колодце во дворе. Смажь цепь дегтем, вычисти желоб. Путник с дороги должен видеть, что здесь есть свежая вода без тины и гнили. Третье: конюшня. Нам не нужны сорок стойл. Расчисти всего три денника у самых ворот. Настели свежей соломы, проверь кормушки. Лошадь устает быстрее всадника, и хозяин всегда смотрит на стойло прежде, чем на свою кровать. И четвертое: кухня. Никаких сложных блюд. Короткое, понятное меню: горячая ячменная похлебка с сушеными травами, свежий хлеб и мятный

взвар. Еда должна подаваться горячей в течение двух минут после того, как гость переступит порог.

Том молча кивнул, подхватил ящик с плотницким инструментом и зашагал к выходу во двор. Мара завязала передник потуже и деловито загремела ведрами у чулана.

Следующие десять часов превратились в бесконечный круговорот пыли, щелока, запаха смолы и скрипа деревянных половиц.

Я запретила себе думать о красивых шторах, новой посуде или парадной вывеске над входом. Красота стоила денег, которых у меня не было. Наш единственный шанс заключался в безупречной функциональности: путник, сбившийся с пути на замерзшем, неосвещенном тракте, должен был получить сухое тепло, чистое белье, сытный ужин и безопасность для своей лошади.

Я сама полезла вместе с Томом на чердак. Мы задыхались от вековой пыли, передавая друг другу тяжелые смоленые полотна и приколачивая их к прогнившим стропилам ржавыми, но крепкими коваными гвоздями. Руки ныли, спина не разгибалась, под ногти забилась черная грязь, но когда через пару часов набежала очередная туча и с неба хлынул ливень, в коридоре второго этажа воцарилась блаженная тишина. Капель прекратилась. Крыша держала воду.

Затем мы принялись за комнаты.

Мара яростно натирала доски настоем полыни и мыльного корня, выгоняя въевшийся дух затхлости, а я помогала натягивать на пузатые соломенные матрасы грубые, но ослепительно белые льняные простыни. В маленьких железных печурках весело загудел огонь, высушивая промозглый воздух. На дубовых подоконниках легли пучки сушеного чабреца, а в начищенных до блеска оловянных кувшинах на умывальниках плескалась прозрачная колодезная вода.

К сумеркам четвертая и седьмая комнаты преобразились. Они не были роскошными — простая бревенчатая обшивка, грубые лавки, тяжелые шерстяные пледы. Но в них хотелось остаться. В них пахло живым теплом, смолой и покоем — той самой тихой надежностью, которую ищет каждый озябший путник после целого дня в седле.

Внизу, в общем зале, тоже стало иначе. Столы были отскоблены ножом до молочной белизны, скамьи расставлены ровно. На стойке стояла начищенная медная кружка с полевыми сухоцветами, а из кухни доносился умопомрачительный аромат: Мара испекла первый круглый каравай ржаного хлеба с тмином и томила в чугушке похлебку из сушеных грибов и дробленого ячменя.

Трактир дышал. Он больше не казался заброшенной могилой, в которой вчера едва не сгинула моя предшественница. У нас появилось живое, работающее ядро: кухня, вода, два теплых номера и три чистых стойла.

Скелет бизнеса был готов принять первую кровь — первых гостей.

Когда Мара и Том, накормленные сытным ужином и уставшие до полусмерти, разошлись по своим каморкам, дом погрузился в полумрак. В очаге за изолированным Рейнаром камнем тлели последние березовые угли. Я налила себе в глиняную чашку горячего взвара с ромашкой, зажгла оплывшую сальную свечу и села за стойку.

Внутри меня все еще дрожал холодный червячок беспокойства.

Слова Рейнара не шли из головы. «Срез идет под углом в тридцать градусов... Поток словно вывернуло наружу из-за внутреннего сопротивления».

Инспектор уехал, но его подозрение повисло над трактиром дамокловым мечом. Преведняя хозяйка погибла не от несчастного случая. Кто-то повредил распределительный камень намеренно. Но почему? Ради чего? И как это связано с гигантским долгом в двенадцать крон, который висел на «Последнем Фонаре»?

Я нагнулась и вытащила из нижней полки под стойкой тяжелый фолиант в потертом кожаном переплете со следами сырости на уголках — Главную приходно-расходную книгу трактира за последние три года.

Страницы пахли пылью и старыми чернилами. Почерк прежней Анны был аккуратным, уборым, но ближе к концу записей строки начинали заметно прыгать, словно писала она при слабом свете или в сильном душевном волнении.

Я отхлебнула горьковатый отвар и принялась методично листать страницы назад, отслеживая финансовые потоки.

Картина вырисовывалась странная. Два года назад станция процветала: десятки повозок в день, щедрая плата за зарядку артефактов от магистрального тракта, закупки мяса, сыра, дорогого столичного эля. Доход составлял солидные суммы.

Но около восьми месяцев назад начался спад. В записях стали появляться жалобы: сбой контура, задержки обозов, падение мощности. И именно тогда трактир начал брать казенные кредиты в Дорожном ведомстве на «экстренную стабилизацию узла». Те самые двенадцать золотых крон, которые теперь душили меня.

Я вела пальцем по графам расходов за последний квартал.

Вот покупка муки. Вот плата за дрова. Вот налог на дорожную землю. А вот...

Я замерла. Взгляд зацепился за аккуратную строчку, выведенную черными железистыми чернилами в конце каждого месяца:

«Регламентная профилактика рунного распределителя, калибровка силовых каналов и очистка контактного контура узла. Выплачено господину мастеру Бранту — одна серебряная корона и двадцать медяков».

Я перелистнула страницу. Месяцем ранее: та же сумма, та же формулировка, та же подпись о получении денег и круглая служебная печать с литерой подрядной артели.

Еще месяцем ранее — в точности то же самое.

Каждый божий месяц из кассы трактира исправно уходила солидная сумма на регулярное техническое обслуживание и чистку рунного валуна!

Холод прокатился по затылку.

Я вспомнила Мару. Вчера, когда мы только отмывали кухню от копоти, я спросила ее о ремонте. И Мара в слезах сказала прямым текстом: «Денег на городского мастера с лицензией у нас отродясь не водилось... Никто к камню не подходил, боялись все».

Никакой мастер Брант сюда не приезжал. Никакой профилактики и чистки силовых каналов не было и в помине. Валун годами стоял в саже, задыхаясь от перегрузок, пока в него не вогнали дефектную деталь и не срезали руну под тридцать градусов!

Деньги за несуществующее обслуживание выкачивались из трактира ежемесячно, а в журнал аккуратно вносились фальшивые отметки с настоящими казенными штампами.

Прежняя Анна платила за воздух. Или... ее заставляли платить, методично подводя трактир к банкротству и аварии.

Я медленно закрыла тяжелую книгу. Звук захлопнувшейся обложки прозвучал в пустом зале зловеще и сухо.

Глава 4

Записей в амбарной книге было ровно одиннадцать.

Я пересчитала их дважды при свете догорающей сальной свечи, а затем еще раз на рассвете, когда сквозь мутные пузырчатые стекла пробились первые холодные лучи. Одиннадцать аккуратных строчек, выведенных одним и тем же твердым каллиграфическим почерком. Одиннадцать фальшивых визитов несуществующего мастера Бранта, за каждый из которых прежняя Анна исправно отдавала из кассы звонкую монету.

Почти полторы золотые кроны за год. Для крошечной станции на краю тракта это была целая пропасть. Деньги методично выкачивали, пока в жестяной шкатулке под стойкой не осталась сиротливая горсть монет, а сам узел не разорвало в щепки.

Я закрыла книгу, потеряла воспаленные от бессонной ночи глаза и спустилась во двор.

Утро выдалось промозглым. Сырой туман стоял над мощеным полотном тракта сплошной белой стеной, скрывая вершины сосен. Том уже орудовал метлой у конюшни, сметая мокрую хвою с чисто выскобленных досок помоста. Парень работал молча, споро, вкладывая в каждое движение упрямую крестьянскую силу. При виде меня он выпрямился, оперся на черенок и коротко кивнул:

— Ворота смазал, хозяйка. Цепь на колодце ходит мягко, вода чистая, без ила. В стойлах солома свежая, сухая — хоть сейчас трех коней ставь.

— Молодец, Том, — искренне сказала я. — Но пока кони сюда не свернут, нам нужно решить дело поважнее. Мне нужен человек, который разбирается в рунах.

Парень заметно напрягся. Его обветренное лицо помрачнело, а пальцы крепче сжали черенок метлы:

— Так ведь... господин инспектор вчера пломбу повесил. Строго наказал: к очагу не соваться, камня не касаться. Если дорожные стражники прознают, что мы колдуем над трактом без приказа, нас всех в кандалы закуют.

— Мы не станем ничего чинить или сбивать пломбы, — терпеливо объяснила я, подходя ближе. — Но чтобы понять, сколько будет стоить ремонт и доживем ли мы вообще до конца этих девяноста дней, мне нужен профессионал. Настоящий, с гильдейской грамотой, а не призраки из старых счетов. Есть поблизости рунный техник? Не столичный щеголь, а местный практик, который знает эту дорогу?

Том наморщил лоб, вспоминая:

— В Нижней Переправе, в трех милях от нас, живет мастер Ивен. Он мужик въедливый, нелюдимый, в Дорожном ведомстве раньше служил, да ушел со скандалом — говорят, с начальством не сошелся по части каких-то правил. Теперь сам по себе сидит, чинит тележные накопители да крестьянские сушильни. Только... дерет он за работу дорого, Анна. И за здорово живешь с места не сдвинется.

— Бери старую кобылу и поезжай в Переправу, — твердо сказала я, доставая из кармана фартука три медные монеты на дорожные расходы. — Скажи мастеру Ивену: хозяйка «Последнего Фонаря» просит его провести ограниченную техническую диагностику узла. Только замеры и заключение. Ремонтировать мы ничего не требуем. Если заупрямится — скажи, что пломбу ставил старший инспектор Рейнар лично.

Услышав имя дракона, Том поежился, но спорить не стал. Он сунул медяки за пазуху, бросил метлу у сарая и торопливо зашагал седлать лошадь.

Через два часа, когда солнце едва пробилось сквозь пелену низких туч, во дворе послышался сухой перестук колес.

К трактиру подкатила странная двухколесная повозка, запряженная приземистым косматым пони. С козел неторопливо спустился сухощавый, жилистый мужчина лет пятидесяти в

потертом брезентовом балахоне со множеством узких кожаных кармашков. На носу его сидели круглые очки в медной оправе с толстыми многослойными линзами, а на плече висела тяжелая продолговатая сумка из толстой яловой кожи, от которой пахло машинным маслом, серой и медной окалиной.

Это и был Ивен. Лицо его казалось вырезанным из сухой яблоневого коры — резкие глубокие морщины, колючий прищур бесцветных серых глаз и тонкие, плотно сжатые губы человека, который не терпел пустых разговоров.

Он даже не взглянул на чистые ступени крыльца. Сразу остановился посреди двора, бросил поводья пони и уставился на серые плиты мертвого тракта.

— Ну и глушь, — хрипло проворчал он вместо приветствия. — Поток лежит пластом. Ни единой живой искры на милю вокруг. Торн, стало быть? Прежнего старика Торна я знал, он еще понимал, как держать баланс на плите. А вы, голубушка, похоже, решили окончательно спалить отцовское наследство?

— Я Анна Торн, — ровно ответила я, выходя навстречу. — И я предпочитаю платить за факты, а не за упрёки, господин Ивен.

Техник смерил меня цепким, оценивающим взглядом поверх стекол очков. Задержался на моем рабочем фартуке, на твердо посаженных плечах и разбитом виске. На его губах мелькнула едва заметная саркастическая усмешка:

— Деловая? Это похвально. Только факты нынче стоят денег. Моя такса за выезд и полную диагностику с калибровкой распределителя — семь серебряных монет. Плата вперед, независимо от того, понравится ли вам мой вердикт.

Мое сердце болезненно сжалось.

Семь серебряных. Это была ровно половина всех серебряных монет, оставшихся в жестяной коробке! Если я отдам их прямо сейчас, на закупку крупы, соли и солонины у местных фермеров останется суцая мелочь. Мы окажемся на краю голодного пайка еще до того, как на тракте покажется первый обоз.

Но не знать правды было в тысячу раз опаснее. Если затаиться, понадеяться на авось и не понять, что именно разорвало узел, через восемьдесят девять дней Рейнар вернется с конвоем, и меня поволокут на казенные рудники.

«Сначала посчитаем гвозди», — напомнила я себе.

— Полная калибровка мне не нужна, мастер Ивен, — сказала я, глядя ему прямо в глаза и не отступая ни на шаг. — Узел запечатан королевской печатью, вы не имеете права вмешиваться в его структуру, да я этого и не прошу. Мне нужен только осмотр посадочного гнезда, замер остаточной проводимости и диагноз: почему произошел сброс. Чистая дефектовка без наладки. За это я заплачу пять серебряных монет.

Ивен приподнял кустистую бровь:

— Пять? За пять серебряных в столице рунный мастер даже трубку не раскурит.

— Мы не в столице, мастер Ивен. Мы на двадцать седьмой миле Северного рукава, где тракт перекрыт, а у вас, судя по пустому кузову вашей телеги, заказов на сегодня больше нет. Либо пять серебряных за час необременительной работы щупами, либо вы разворачиваете пони и едете обратно в Переправу несолоно хлебавши.

Старик замер. Несколько секунд он буравил меня колючим взглядом, словно пытался разглядеть, откуда у забитой хозяйки разоренного трактира взялась эта стальная хватка. Затем он коротко хмыкнул, скривив тонкие губы:

— Язык у вас острый, госпожа Торн. Куда острее, чем у прежнего хозяина. Показывайте свой камень. Но если там расплав породы или зеркальное замыкание, я и пальцем не пошевелю сверх уговора.

Мы прошли на кухню.

Мара, завидев чужака с гремящей инструментами сумкой, испуганно юркнула в кладовую, прикрыв за собой дверь. В помещении было прохладно, пахло свежее испеченным ржаным караваем и смолистым духом дров, потрескивавших в малой плите. Огромный зев главного очага зиял темной, пугающей пустотой.

Ивен подошел к кладке, опустил сумку на пол и достал из кармана связку тонких медных пластин, соединенных кольцом, и длинный костяной стилус с посеребренным наконечником.

Он обошел массивный серый валун, внимательно осмотрел свинцовую пломбу Рейнара и тронул металл кончиком ногтя:

— Печать старшего инспектора. Почерк дракона ни с чем не спутаешь — прижал силу так, будто пудовую гирию на ручей уронил. Грубо, но надежно. Контур спит мертвым сном.

— Инспектор сказал, что разлом необычный, — заметила я, становясь рядом и внимательно следя за каждым его движением. — Срез идет под углом в тридцать градусов, строго поперек канала.

Ивен нахмурился. Он сменил стекла на очках, повернув боковой диск оправы, опустился на колени прямо на каменный пол и поднес стилус к трещине. Тонкая серебряная игла на конце костяной палочки слабо завибрировала, издав тонкий комариный писк.

— Дракон прав, — пробормотал старик, и в его голосе исчезла вся прежняя насмешливость. Остался только сухой, предельно сосредоточенный профессионализм. — Порода не крошилась от усталости. Ее сорвало гидроударом мощности. Словно в узкую трубу внезапно пустили поток из водопада. Но сам по себе распределительный камень лопнуть так не мог. Он сорок лет стоял, у него запас прочности тройной.

Он замолчал, пошарил рукой по каменному цоколю очага и вдруг замер.

— А ну-ка, хозяйка, подсобите, — глухо бросил он через плечо. — Под этой плитой есть ревизионный лаз?

— Под полом? — переспросила я.

— Именно. Магистральный тракт не висит в воздухе. Основная жила заходит под трактир через нижний фундамент, а сюда, в очаг, поднимается только распределительный отвод. Настоящее сердце узла — там, внизу. Камень под полом.

Я вспомнила низкий подпол под кухней, куда вел узкий люк в углу у бочек с квашеной капустой.

— Есть вход из погреба.

— Факел берите. Живо.

Через минуту мы уже спускались по скользким каменным ступеням в сырую тьму подпола. Здесь пахло вековой пылью, плесенью и застарелым холодом глубокого подземелья. Под потолком погреба проходили массивные дубовые балки, а в дальнем углу, прямо под тем местом, где наверху стоял очаг, каменная кладка фундамента уступала место голой скальной породе.

В скалу была врезана тяжелая чугунная плита размером в два локтя, покрытая застарелой ржавчиной. На ней тускло темнели четыре массивных кованых болта.

Ивен скинул балахон, достал из сумки тяжелый разводной ключ и принялся с хриплым кряхтением отворачивать гайки. Металл скрипел, сопротивлялся, сыпалась рыжая пыль, но старик работал с упорством заправского кузнеца. Когда последний болт поддался, он поддел плиту железным ломиком и с глухим стуком откинул ее на земляной пол.

Из открывшейся ниши пахнуло не сыростью, а сухим, едким жаром жженого кварца и перегретой меди.

Я поднесла факел ближе.

В глубине скального кармана лежал второй камень — темный, почти черный базальтовый монолит, испещренный сложнейшей сетью мелких, волосяных рунических каналов. От него

во все стороны расходились толстые медные шины, уходившие прямо в толщу земли — туда, где снаружи пролегалo полотно тракта.

Но мое внимание привлекло другое.

В центральное гнездо монолита была вставлена тяжелая граненая муфта из матового серого камня, пережавленная бронзовыми стяжками. Один конец муфты почернел от чудовищной копоти, а окружающие ее медные шины были буквально вывернуты наружу, словно лепестки вскрывшегося цветка.

Ивен шумно втянул воздух сквозь зубы. Его пальцы, перепачканные сажей, осторожно коснулись оплавленной детали:

— Пресветлые боги... Вот она, твоя «усталость металла», Торн.

— Что это? — спросила я, чувствуя, как мороз продирает кожу вдоль позвоночника.

Старик достал из сумки длинные щипцы, аккуратно зацепил край гранитной муфты и с натугой потянул на себя. Деталь подалась с сухим хрустом. Она выскользнула из гнезда и легла на расстеленную дерюгу.

Это был цилиндр длиной с предплечье, покрытый тончайшей клинописью. Но даже моему неискушенному взгляду было видно, что деталь сидела в гнезде криво: по краям оставались грубые зазоры, замазанные дешевой кварцевой замазкой, которая от температуры спеклась в серую ломкую корку.

Ивен достал лупу, включил на ее ободке крошечный люминесцентный светлячок и склонился над деталью. Он долго водил стеклом вдоль рунических дорожек, что-то беззвучно шепча и прищелкивая языком.

— Госпожа Торн, вы понимаете, на какой категории тракта стоит ваш трактир? — наконец спросил он, не поднимая головы.

— Северный рукав. Магистраль второго имперского класса, — ответила я, вспоминая формулировку из вчерашнего предписания.

— Верно. Второй класс. Расчетная пропускная способность — до пяти тяжелых артефактных обозов в час, импульсная нагрузка до четырехсот узловых единиц. А эта дрянь, — он с отвращением постучал ногтем по извлеченному цилиндру, — переходник марки «Сигма-четыре». Ограничитель сброса для тупиковых сельских ответвлений четвертого класса! Максимум — пятьдесят единиц.

Я замерла, осознавая масштаб услышанного:

— Она не подходила по спецификации?

— Она и близко сюда не подходила! — в голосе техника прорезалась злая профессиональная ярость. — Это все равно что в плотину на горной реке вставить задвижку от кухонного умывальника! Пока по тракту ползли две калеки на телегах, контур скрипел, но держал. Но стоило пойти первому нормальному грузовому каравану на артефактной тяге, как волна мощности просто уперлась в это узкое горлышко. Поток некуда было деваться. Он не ушел в накопитель, он ударил обратно — в распределитель очага и в дорожное полотно. Камень наверху лопнул именно поэтому: его разорвало встречным отраженным ударом!

Картина сложилась с беспощадной четкостью.

Сбои начались восемь месяцев назад. Трактир терял постояльцев, брал казенные кредиты на стабилизацию, а узел тем временем методично душили неправильной деталью. Это не было случайной поломкой от времени. Кто-то физически вынул из контура штатный магистральный сердечник и воткнул туда слабую, непригодную деталь, обрекая станцию на неизбежную катастрофу при первой же серьезной нагрузке!

— Но кто мог ее поставить? — тихо спросила я, глядя на оплавленный камень. — Превенная хозяйка нанимала городского мастера. В амбарной книге есть записи: мастер Брант из лицензированной артели получал за профилактику узла каждый месяц.

Ивен горько усмехнулся:

— Брант? Знаю я эту контору. Жирные столичные коты, берут подряды на сотни миль, а сами нанимают криворуких поденщиков. Только вот незадача, хозяйка... Чтобы поставить сюда «левую» деталь с барахолки, нужно быть полным идиотом. Инспекция проверяет каждый винтик при любой плановой ревизии. Если на детали нет допуска, станцию штрафуют до исподнего.

Он повернул цилиндр другим концом к свету факела, достал из кармана тряпицу с растворителем и яростно потер гладкую грань у самого основания муфты.

Черная копоть сошла, обнажая чистый, серебристый срез полированного камня.

Там, глубоко впечатанное в самую кристаллическую породу, отчетливо блеснуло клеймо.

Скрещенные мерные циркули, увенчанные короной, и четкие, глубокие литеры имперского регистра.

Я наклонилась ближе, едва веря своим глазам.

Клеймо не было кустарной подделкой. Оно было нанесено заводским штампом Главного интендантства Службы королевских трактов. Подлинное, государственное служебное клеймо высшей пробы.

— Пресветлые заступники... — пробормотал Ивен, и в его голосе впервые прозвучал настоящий, неподдельный страх. Он быстро убрал лупу и оглянулся на темные углы погреба, словно ожидал увидеть там затаившихся соглядатаев. — Это не брак. И не подделка из деревенской кузницы. Эту деталь изготовили на коронной мануфактуре и опломбировали в центральном ведомстве.

— Но как деталь для сельской ветки получила клеймо для узла второго класса? — спросила я, чувствуя, как внутри все леденеет.

— Никак, — глухо отрезал техник. — На нее не должны были ставить такое клеймо. Либо на коронном складе кто-то сознательно подменил маркировку в документах и на камне... либо эту штуку специально изготовили и привезли сюда, чтобы в нужный день узел гарантированно взорвался.

Он торопливо завернул цилиндр обратно в дерюгу и положил его на каменный выступ фундамента:

— С меня хватит, госпожа Торн. Вы просили диагностику — вы ее получили. Техническая проблема доказана: несоответствие узла проекту, критическая перегрузка из-за заниженной спецификации. Деталь я из гнезда вынул, цепь разомкнута, теперь очаг хотя бы не рванет от остаточного фона. А дальше... дальше разбирайтесь сами. Я в эти государственные игры не лезу. Жизнь дороже.

Он поднялся по лестнице, не дожидаясь меня.

Я вышла следом в общий зал. Руки мелко дрожали, но голова работала с пугающей, хрустальной ясностью логиста, перед которым только что вскрылась грандиозная криминальная схема.

Я молча подошла к стойке, достала жестяную шкатулку и отсчитала пять серебряных монет. Положила их на деревянную столешницу перед Ивеном.

Монеты тускло блеснули в полумраке зала.

В кассе остались две золотые кроны, девять серебряных и немного медной мелочи. Но цена была оправдана: теперь я точно знала врага в лицо. Это была не мифическая неудача и не каприз стихии. Это было хладнокровное, спланированное убийство дороги.

Ивен сгреб серебро в карман, застегнул сумку и накинул балахон. На пороге он обернулся, посмотрел на меня с тяжелой, давящей жалостью:

— Совет вам дам, хозяйка. Бесплатный. Спрячьте эту деталь подальше. В самый глубокий погреб, под три замка. И никому о ней не заикайтесь. Тот, кто способен получить на бракованный вкладыш подлинное коронное клеймо, не остановится перед тем, чтобы спалить ваш трактир вместе со всеми постояльцами, если узнает, что вы его нашли.

Дверь хлопнула. Во дворе скрипнули колеса повозки, и мастер Ивен поспешил убраться с двадцать седьмой мили так быстро, как только позволял его косматый пони.

Я осталась одна посреди тихого зала.

В камине потрескивали дрова, с кухни тянуло запахом теплого хлеба, но уют этот был призрачным.

Я подошла к окну. За стеклом лежало мертвое, серое полотно тракта, уходящее в туман. Дорога молчала. Но теперь я знала: на детали, которая убила прежнюю Анну и едва не похоронила меня, стояло настоящее служебное клеймо тех самых властей, которые отмерили мне девяносто дней на спасение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.